

"Я АБСОЛЮТНО СОГЛАСНА, что советское образование было одним из лучших. И оно опиралось на российские традиции образования", — сказала Ольга Васильева при вступлении в должность министра просвещения, выразив господствующий в обществе взгляд. Взгляд состоит в том, что советское образование было замечательно прекрасным, не чета нынешнему. А вот в чём был его секрет — никто не объясняет. Я училась в советской школе и престижном московском вузе в брежневскую пору, вот мне и хочется вспомнить, как было дело.

Как-то особенно учили? Ровно ничего особенного. Были хорошие учителя, а были средние, были плохие. Точно, как сегодня.

Советские педагоги были замечательно образованны? И этого не было. Учительницы начальных классов были выпускницами педучилищ, куда поступали после 8-го класса; в пединституте тогда учились 4 года. Были и укороченные, так называемые учительские, институты, не дававшие высшего образования, но дававшие право преподавать с 5-го по 8-й класс, — впрочем, в моё время они уже сошли на нет.

Учебники — да, были лучшие нынешних, поскольку их не меняли каждый год и писали их не безбашенными учёными и педагогами, а не серьёзными импровизаторами, как бывало в школьную пору моего сына в 90-х. Советские школы были гораздо беднее нынешних. Сейчас говорят о недопустимости второй смены, а четыре смены — как вам? У нас в Егорьевске в 60-х годах именно так и было. И 42 человека в классе.

Так в чём тогда секрет?

Было несравненно более серьёзное отношение к делу у учеников и у учителей. Антисоветски настроенные мемуаристы пишут: всё там держалось на страхе. Нет! Был, скорее, не страх, а ощущение чего-то чрезвычайно важного, ответственного, почти священнодействия. Взрослые ходят на работу, где делают своё важное дело, а мы, дети, учимся, чтобы потом работать, и это тоже очень важно и серьёзно. *"Ребята с первых школьных дней /должны учиться лучше — / На радость Родине своей, прекрасной и милой!"* — эти слова были в нашем учебнике "Родной речи" за второй, кажется, класс, и они выражали наше общее настроение.

Если бы сегодня в какой-нибудь школе завелась такая учительница, какая была у нас в первом классе, её немедленно выгнали бы из школы, а то и в тюрьму бы улепили по нынешней ч. 1 ст. 156 УК РФ ("неадекватное исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего... педагогическим работником... образовательной организации, если это деяние соединено с жестоким обращением с ним").

Вот представьте себе: когда мы выучили все буквы, нам велели ежедневно писать весь алфавит: заглавные и строчные буквы, — и это после полновесного задания. Писать требовалось каллиграфически, макетальной рукой. Орфографический словарь (длиннейшая такая самодельная тетрадка, куда мы записывали слова) требовалось учить на-и-зуст! — бесмысленную последовательность слов на много страниц. И никто не "важал". Родители это дело уважали. Вернее, так: они априори уважали всё происходящее в школе, а в детали не входили.

Размываться этот стиль начал на рубеже 60—х—70-х годов, а дальше уже пошло-поехало. Сегодня он замещен тоном прикола, иронии, необязательности, пофигизма. Я лично наблюдаю, как происходит это размывание на протяжении моего школьного десятилетия. Вообще, все уродства наших дней были, на мой взгляд, заложены в эпоху брежневского застоя.

К концу моего обучения в вузе утвердилось представление: главное не как учиться, а как в жизни устроиться. Всё зависит от связей, от "толстой волосатой руки", а не от твоих убогих усилий. И всё стало не-обязательным: красиво писать, учить стихи наизусть, знать даты на память, рисовать контурные карты... Тут кстати пришлось модное слово "стресс", которым все стали пугать друг друга. Уже невозможно было представить экзамены в каждом классе, как в 50-е годы. В те годы образование было зримым и доступным каждому социальным лифтом. Хорошо учишься в школе — получишь высшее образование — станешь инженером, в перспективе каким-нибудь начальником. В 70-х рядовой инженер зарабатывал меньше рабочего, не говоря уже о рабочих/каких сферах обслуживания, продавах и т. п. Так чего ж напрягаться? Сегодня никто и не напрягается. Не-большой процент выпускников, ориентированных на лучшие вузы, учится всерьёз, остальные — как придётся.

Сегодня больше всего на свете боятся ребёнка потревожить и чем-нибудь затруднить. Ругать строго запрещено. По нынешней педагогической парадигме — надо постоянно хвалить, поощрять, внедрять в умы "позитив", поднимать самооценку и ни в коем случае не "грузить". Ничем.

Можно ли изменить положение? Можно. Нужно только твёрдо уснчить: улучшить образование, воздействуя только на образование, нельзя. Когда перед обществом возникнут подлинные задачи, когда по-настоящему, а не разговорно, потребуются подлинные знания, школа — подстроится. И сумеет выпустить нужное количество годных к делу людей. Было бы дело...

Татьяна ВОЕВОДИНА

8

СЕНТЯБРЯ

11:00

Михаил

ДЕЛЯГИН

Доктор экономических наук, академик РАН, директор Института проблем глобализации

ПРЕДСТАВИТ СВОЮ НОВУЮ КНИГУ «РАЗВОРОТ В НИКУДА»

31-я Московская международная книжная выставка-ярмарка Москва, ВДНХ, павильон № 75, зал "В", стенд G-1, издательство "Книжный мир"

ВЫРОДКИ-УБИЙЦЫ

БЕСЕДА ЖУРНАЛИСТА АНДРЕЯ ФЕФЕЛОВА С ИСТОРИКОМ АНДРЕЕМ ФУРСОВЫМ

Окончание. Начало — на стр. 1

Андрей ФЕФЕЛОВ. Давайте посмотрим, кто призывает.

Андрей ФУРСОВ. Давайте. Ципко Александр Сергеевич (1941 г.р.) — доктор философских наук, член КПСС с 1963 по 1990 г.; в 1988—1990 гг. — помощник секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева; участник создания и директор научных программ фонда Горбачёва.

Перед нами — типичный партийный карьерист, значительную часть жизни обслуживавший цековское начальство, в перестройку дорос до обслуживания — подготовки докладов, статей и т.д. Яковлева и Горбачёва. Типичный "зелёныйкий", по терминологии Эрнста Неизвестного.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Что значит "зелёныйкий"?

Андрей ФУРСОВ. У Эрнста Неизвестного есть замечательный текст "Красныекие" и "зелёныекие". "Красныекие" — это советские столоначальники. "Зелёныекие" — это их интеллектуальная обслуга, "это те, кто мьчание "красныхые" должен превратить в члено-раздельную речь. Те, кто должен угадать их желания, но сформулировать их так, чтобы коллективный мозг признал их формулировки своими, как если бы "красныекие" сами их создали. Чудовищная работа... и, ко всему, по тем же муравьиным законам аппарата, она перестаёт быть творческой!"

"Зелёныекие", — продолжает Э. Неизвестный, — страдают множеством аппаратных комплексов. <...> И если "зелёныекие" и возрастают до уровня "красныхых", то путём гигантских нервных издержек, путём отказа от многих своих личных привязанностей и интеллектуальных претензий <...> "Зелёныкому", особенно с претензиями на какие-то остоатки иллюзий или своей личности, — трудно... они находятся внутри аппарата <...> рано или поздно эта гигантская амёба превратит их в состав своей ткани или просто выплюнет".

Ципко, со всеми своими комплексами и фобиями, явно из "зелёныхых". За это, за свою "зелень", за то, что так и не стал "краснымым", он и ненавидит советскую систему, простить её этого не может. Но ведь никто его не неволил делать карьеру в этой системе. Можно было быть просто учёным. Разумеется, не было бы "прицековских" благ. Но выбор сделан — и молчи в тряпочку, а не призывай других каяться за собственную слабость и подлость.

Очень важно то время, в которое формировались партийци и "зелёныекие" того типа, к которому относится Ципко, а также круг "советников вождей" (вожди — от Брежнева до Горбачёва). Это было совершенно особое время. Заканчивалась хрущёвская эпоха и так называемая оттепель; впрочем, её инерции хватило до конца 1960-х. В середине 1960-х советская номенклатура фактически отказалась от рынка в будущее (на партнвоязе — "строительство коммунизма"), хотя на словах оно, конечно же, продолжалось, углублялось, расширялось. Укорилось перерождение номенклатуры, практической идеологией "красныхых" становились цинизм, и это потребовало иного, чем ранее, типа "зелёныхых". "Оттепель" уже окончилась, а "застой" ещё не наступил, в результате в это межеумочное, смешанное время художественная и интеллектуальная среда представляла собой, как пишет Э. Неизвестный, "смешанный ансамбль дрессированных хищников: птеродактили, гиены и мандавошки". Это же распространяется и на "зелёныхых". Оставляю за читателем выбор, к какому типу относятся Ципко и ему подобные. Впрочем, догадаться нетрудно: победившие в середине 1960-х либеральные "вёсельные поросята" (Э. Неизвестный) ни в гиенах, ни в птеродактилях не нуждались. А потому в гору пошли яковлевы и их будущие "зелёныекие" хопуи.

Свою карьеру в течение почти тридцати лет Ципко делал в КПСС и посредством членства в КПСС — той самой, "тоталитарной ленинско-большевистской партии", которую сегодня обильно поливает грязью, называет преступной. Интересно, когда Ципко вступал в КПСС, а затем защищал кандидатскую и докторскую диссертации по философии на методологической основе марксизма-ленинизма, он думал о своей причастности к "преступной организации" и "преступной идеологии"? Или позже прозрел? Но тогда надо быть последовательным: отказываясь от материальных благ, полученных в советское время, от степени доктора наук и — каяться, каяться, каяться... Но нет, не спешит, только других призывает. А мне, например, каяться не в чем: в отличие от Ципко и подобных ему коммунистических "перевёртышей", я никогда не был членом КПСС, открыто отказавшись от вступления в партию в 1980 г. и прекрасно понимая, что это грозит мне как сотруднику факультета МГУ, считавшегося идеологическим. А уж за работу помощником того, кого называли "хромым бесом перестройки" — русофоба Яковлева — каяться надо вдвойне.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Яковлев — одна из самых зловещих фигур перестройки.

Андрей ФУРСОВ. Да, этот персонаж более важен, чем Горбачёв.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Яковлев причастен к той "тайне беззакония", которая произошла в самом конце 1980-х годов, и последствия которой ярко проявились в 1990-е. Это — огромные невосполнимые потери, начиная от распада страны и заканчивая гигантским материальным ущербом, вывозом всех ценностей. Огромное количество людей умерло, погибло. Те, которые крушили СССР — его плаACHI, а те, кто их обслуживал, писал им доклады, предисловия к их книгам, а то и сами книги — прислужники палачей; и руки у них, как и у их хозяев, в крови. Вот они-то и должны каяться. Но этого не произошло. Показались бы и сказали, например: я получил от партии, от ЦК квартиры на Якиманке, я хочу её отдать сейчас, забирайте её обратно, поганые большевики, кровавые, я не хочу от вас ничего...

Андрей ФУРСОВ. Здесь мы выходим на серьёзный и интересный вопрос: почему советское прошлое больше всех поливают грязью именно те, кто получал от неё наибольшие материальные блага, служил ей по собственному желанию или, реже, под давлением обстоятельств, но тоже за вознаграждение?

Андрей ФЕФЕЛОВ. "Под давлением обстоятельств" — это как?

Андрей ФУРСОВ. Например, когда человека "повили" на чём-то, принуждали "стучать", а он получал за это карьерные возможности, поездки за границу и т.п. Среди нынешних обличителей советской системы хватают бывших стукачей (впрочем, бывших стукачей не бывает — тяга к доносу выдаёт). Посмотрите на тексты, обличающие советское прошлое, многие из них — это по сути доносы, чувствуется рука "мастеров". А сегодня эти люди вещают о морали, о принципах. В позднем СССР не только стукачи, но и подавляющее большинство "зелёныхых", всех этих бовиных-черныевых-загладных и пр., никаких моральных принципов не имели, в чём откровенно и признаются сегодня. Так, один из ближайших приспешников Горбачёва в своих стриптизных мемуарах пишет, что никогда не имел не только принципов, но и никаких убеждений. Как, впрочем, добавлю, и Горбачёв, и вся его "бригада".

Подписной индекс газеты **"ЗАВТРА"** — **32525** в Объединённом каталоге **"Пресса России"**

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года. Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Приём материалов производится по предварительному согласованию. Тел. редакции: (916) 502-49-86.

Есть другая категория обличителей: обиженные на советскую власть, которая не оправдала их надежд и рухнула. Они столько сил положили на карьеру, карабкались, крятели, пресмыкались перед властью (в этом смысле все они — пресмыкающиеся, социальные рептилии), а тут облом. Обидно, понимаешь. К тому же есть привычка к статусу, хорошей жизни, следовательно, надо опять карабкаться — на то он и карьерист, ничего другого: профессионального статуса, например, — нет. Кстати, показательно, что среди нынешних антисоветчиков практически нет не только высокопрофессиональных обществоведов, но и даже нормально образованных людей.

Андрей ФЕФЕЛОВ. То есть синдром обиженных детей.

Андрей ФУРСОВ. Обиженных детей, обиженных жён... Главное — обиженных и очень обозлённых, причём не только на советскую систему, но и на создавший её народ, прежде всего на державообразующий русский народ. Ещё и отсюда желание заставить его каяться, то есть — поставить на колени.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Понятно, что имя всей этой публики — легион, но всё же среди них можно выделить какие-то типы.

Андрей ФУРСОВ. Пожалуйста. Действительно, когда смотришь на нынешний ТВ-экран, там мелькают забавные в своей жалкости и ничтожности антисоветчики. Смотришь на человека, рассуждающего о морали, о необходимости договариваться с Западом на его условиях и вспоминаешь: это квартирный махинатор, мелкий жулик, в начале 1990-х попался на взятке в несколько тысяч долларов; используя свою якобы шляхетскую фамилию, удурал за границу; вернулся и теперь занудно гундит с экранов.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Я, кажется, понимаю о ком идёт речь. Сейчас он вешает на одной из радиостанций о русской истории с надутым видом и опять гонит антисоветчину. Я ему говорю: "Вы же были в КПСС! Где ваши стыд и совесть?" А он: "Я хотел изменить КПСС изнутри!" Видимо, как Ципко: тот всё менял, менял изнутри...

Андрей ФУРСОВ. Когда меня во второй половине 1970-х годов в течение нескольких лет тащили в партию, мне говорили: "Ты понимаешь, чем больше в партии будет порядочных людей, тем она будет порядочней!" На самом деле, не элемент определяет систему, а система определяет свои элементы. Поэтому все разговоры типа "я хотел изменить партию", это как Галич пел, "это, рыжий, всё на публику".

Андрей ФЕФЕЛОВ. Вернёмся к типажам?

Андрей ФУРСОВ. Конечно. Вот ещё экземпляр. Пافосовый, малообразованный краснобаи, рассуждающий о том, что морально и хорошо в русской истории, а что — аморально и плохо. В "послужном списке" — обвинение в соучастии в мошеннической группе. Слушать рассуждения подобного персонажа о морали — то же самое, что вникать проститутке, вещающей о семейных ценностях.

Ещё один типаж. Громит карикатурным голосом советское прошлое. В этом прошлом, однако, он активно делал карьеру в пропагандистско-идеологических СМИ (то есть обязательно был членом КПСС) и, как вспоминают его коллеги, "вылизал" немало начальнических задниц, чтобы попасть в качестве корреспондента в "самую восточную страну". Коллеги всерьёз подозревали, что этот "мил-человек" стукачок (кстати, аналогичные подозрения были у коллег по поводу двух предыдущих типажей). Однако "лизал" то ли не тем, то ли не так, и восходящее солнце встречать ему не пришлось — послали другого. Обидно? Вот эту обиду он, убогий, сегодня и вымещает, не понимая, что тем самым подчёркивает своё — по жизни всерьёз — лузерство.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Что, все типажы — либералы?

Андрей ФУРСОВ. Нет. Есть на любой вкус. Например, генерал на всю голову ушибленный белогавардейщиной. Говорит, что Советский Союз — это сатанинский режим! Получается, что когда-то он присягнул сатанинскому режиму, то есть признаётся в том, что продал душу дьяволу. А душу-то продал один раз, её назад не возьмёшь. И какая же цена тому, что ныне говорит этот христопродавец (сам признался).

Андрей ФЕФЕЛОВ. Если Вы говорите о том, о ком я думаю, это просто какой-то идиот, который дослужился в советское время до каких-то там полковничьих чинов в одной из спецслужб!

Андрей ФУРСОВ. Да, но, насколько мне известно, там он функционировал в основном по политруковской линии.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Я просто ужасаюсь тому, кого брали в систему тогда!

Андрей ФУРСОВ. Это говорит о том, что система в своей поздней фазе, со второй половины 1960-х и тем более в 1980-е годы, загнивала. Все типажы, о которых мы говорим, — продукт гниения системы. На них лежит печать распада, разложения — морального, интеллектуального. Именно поэтому их цепляли худшее из того, что происходит с нами в последние три-четыре десятилетия. Помните, как в "Мастере и Маргарите" Воланд цеплял только тех, кто уже подгнил. С теми, кто не подластался гнили, с Мастером, например, он ничего не мог сделать. Неслучайно "наши" типажы (а это именно типажы, маски, о них можно сказать, как К. Чапек о саламандрах: "Они приходят, как тысячи масок без лиц") — функции без субстанции — оказались именно там, где они оказались. Глядя на них, невольно начинаешь соглашаться с теми психологами и психiatрами, которые считают, что безнравственность — это психическое заболевание.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Я, кстати, в своё время писал в газете "Завтра" статью про такую когорту либеральных деятелей и упоминал Владимира Яковлева. На тот момент он, по-моему, ещё был главой издательского дома "Коммерсант". Я написал: "Пусть покается за своего дедушку-чекиста, который орудовал в Одессе, в Киеве". А сын этого дедушки и, соответственно, отец Владимира, Егор Яковлев, — человек, который писал для детей душеспасительные рассказы по Ленину, а потом стал одним из "прорабов перестройки". Так вот, недавно этот Владимир Яковлев уехал куда-то за границу, увлёкся Кастанедой и покался за дедушку-чекиста.

Андрей ФУРСОВ. Это редкий случай. Но вот что интересно: как много детей и внуков тех, кто палачествовал над русским и другими народами в 1920—1930-е годы, попытались это повторить (и во многом повторили) в России в 1990-е — на новом витке истории.

Андрей ФЕФЕЛОВ. А сегодня они и такие, как они, очереяют советскую историю.

Члены Политбюро ЦК КПСС Михаил Горбачев и Александр Яковлев — кровавые палачи, убившие Советский Союз

Андрей ФУРСОВ. Для тех, кто предал советскую систему, единственным оправданием является, с одной стороны, её очернение, с другой — обвинение тех, кто противостоял этому, в защите тоталитаризма, коммунизма. В своё время таким людям хорошо ответил Зиновьев: "Я защищаю не коммунизм, а правду о коммунизме". И эту правду о коммунизме, о советской системе нужно защищать от "перевёртышей", потому что, защищая наше прошлое, мы защищаем наше будущее. Как точно в конце 1990-х заметил Юрий Поляков, "умело пугая прошлым, нас уже наполонули лишили будущего". За прошедшие двадцать лет ситуация изменилась: не только второй половины не лишили, но и значительную часть первой удалось вернуть. Вот и крутит бесов.

Хочу процитировать строки Высоцкого:

*И во веки веков, и во все времена
Трус, предатель — всегда президент.
Враг есть враг, и война всё равно есть война,
И темница тесна, и свобода одна —
И всегда на неё уповаем.*

Всё так: предателям — вечное презрение, а свобода — всегда одна. Если разоблачители СССР полагают, что, оплевывая прошлое, они становятся свободными, то они ошибаются: свободными они, эти "люди-трава", как сказал бы Герцен, не стали, они лишь сменили хозяев. В одной из пьес Дюрренматта есть такая картина: в покорённый Рим вступают германцы: в их руках транспаранты: "Долой рабство! Да здравствует свобода и крепостное право!"

Хулители советского прошлого из рабов одной системы превратились в крепостных другой. Холуйское нутро осталось прежним. Альберт Камю говорил: "Свободен тот, кто может не лгать!". Вся статья Ципко — это ложь и передергивание. Он и такие, как он, лгут, потому что они рабы всего того худшего, что было в советской системе, а плохого в ней было немало. Иначе она бы не породила горбачёвщину, ельцинщину и всю их обслугу.

Да, в нашей истории немало тёмных пятен, однако со всеми тёмными пятнами — это наша история, которую нужно принимать в её целостности, сложности и трагичности, помня имена злодеев и предателей и прославляя героев и просто достойных тружеников. У англаскавов есть поговорка "Right or wrong — my country" ("Правда или нет, но это моя страна"). Почему-то российские смердюковы, которые молятся на англосаксонский Запад, эту поговорку никак не могут уловить. Впрочем, понятно почему: в информационной войне они участвуют на стороне Запада против России, поэтому у них она всегда неправа.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Эта информационная война со стороны Запада носит тотальный характер: СМИ Запада — и в целом, и в отдельных странах — выступают единым фронтом, альтернативная информация либо подавляется, либо маргинализируется. А со стороны России эта война не тотальная: в ней с нашей стороны участвуют федеральные каналы и ряд СМИ, однако существуют довольно мощные альтернативные СМИ и, самое главное, гнилой дискурс.

Андрей ФУРСОВ. Причём нельзя сказать, что он полностью антисистемен. Его представляют СМИ, которые либо являются частью системы, либо финансируются какой-то госкорпорацией. Речь, иными словами, должна идти о раздвоенности самой системы, самой власти — раздвоенности отчасти реальной, отчасти показной.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Однако эту раздвоенность всё труднее сохранять, поскольку к информационно-психологической войне добавляется экономическая, а противостояние РФ и Запада превращается в экономическую войну. О том, что идёт "экономическая война", заговорил не кто иной, как премьер Дмитрий Медведев. Удивительная фраза из его уст: "Наша страна уже сто лет находится под санкциями". До этого он говорил, что наша страна — молодая двадцатилетняя республика, а сейчас оказалась, что всё-таки наша страна — столетняя, то есть СССР плюс РФ, и всё это время она находится под санкциями.

Эпоха всё жёстче и жёстче. А гнилой дискурс с этими людьми продолжается как ни в чём не бывало. Ходят западные агенты по нашим улицам, и все знают, что они получают деньги из определённых структур, что по разнарядке пишут антисталинские и антироссийские статьи в российской прессе, выступают в различных ток-шоу. Иными словами, в систему внедрены элементы, объективно её ослабляющие, свидетельством чему "стены скорби", "ельцин центры" и пр. На нас всё сильнее и сильнее давят враги. В таких условиях присутствие чуждого, которое нередко определяют как "пятая колонна", становится недопустимым. Недопустима антисистема или элемент системы, работающий на противника. Вопрос: когда это кончится? Точнее, что должно произойти, чтобы это закончилось?

Андрей ФУРСОВ. Я думаю, окончиться это должно тогда, когда конфронтация с Западом дойдёт до определённой точки. Поэтому-то в самой системе хозяева гнилого дискурса стремятся развернуть ситуацию к замирению с Западом на любых его условиях. Однако для Запада "любое" и оно же единственное условие замирения РФ с ним — это полная и безоговорочная капитуляция верхов РФ (которые, кстати, после этого будут вышвырнуты победителем — "Рим предателям не пла-

тит"). Учитывая наличие у нас "умиротворителей", эдаких монхенцев а-ля рюс, Запад и продолжает давить, зная, на что и на кого давить: именно на тех, кто готов замариться. Почему готов — ясно: деньги — на Западе, недвижимость — на Западе, дети — на Западе. Кстати, больше всего меня поражают тот вопиющий факт, что дети немалого числа госчиновников и депутатов учатся и/или живут на Западе и, судя по их заявлениям, мягко говоря, особой любви к Родине не питают. Вот вам и один из источников и антисистемы, и гнилого дискурса. Остаётся только "спящим" проснуться или кому-то их разбудить. Непонятно только: система, что, своими руками готовит гнилой дискурс и своих могильщиков?

Помимо действий пятой колонны в информационно-психологической (психисторической) войне Запада против РФ необходимо также отметить определённую расхлябанность, нечёткость, небоевитость, нередко не-профессионализм наших (за некоторыми исключениями) бойцов информационного фронта. Например, в ток-шоу ведущие и участники (с нашей стороны) пытаются какому-нибудь приехавшему с Украины, из Прибалтики, из Польши уроду или клоуну, попивавшему Россию и русских грязью, доказать: ты не прав, мы хорошие. Это — вместо того, чтобы выставить из студии. Кто-то скажет: это жанр такой. А зачем нам такой жанр, когда с экранов ведётся антироссийская пропаганда, унижают-ся Россия и русские? Или это так специально задумано?

Победная стратегия в информационной войне одна — наступление. Противника нужно бить на его территории. Что, у Запада, будь то США или Западная Европа, нет проблем? Нет мигрантов, нет роста неравенства, социальной напряжённости? Навалом. Вот по этим точкам и нужно бить как во внутренней пропаганде, так и во внешней, а не отбихиваться и стараться унизительно доказывать: мы хорошие.

Есть одна вещь, от которой необходимо totalmente, принципиально избавиться: надо перестать стараться понравиться Западу. И не только потому, что никогда не понравимся: вон, в 1990-е на четвереньках перед Западом встали. И всё равно не понравились. Нужно перестать нравиться потому, что по-настоящему серьёзные державы вообще никому нравиться не должны — их должны уважать или бояться. США, например, никому не стараются понравиться. Ни перед кем не извиняются. Когда при Рейгане американцы сбили над Персидским заливом иранский гражданский самолёт с сотней пассажиров, их президент сказал, что извиняется США на за что не собираются. Вопрос был закрыт, и эту историю никто не вспоминает. Нам же до сих пор вспоминают корейский боинг, хотя история там более чем мутная.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Не только США, но и Китай, и Северная Корея не стремятся нравиться.

Андрей ФУРСОВ. Конечно, список немалый: добавлю к нему Кубу и Израиль.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Американцы даже за Хиросиму и Нагасаки отказались извиняться, хотя это преступление такого порядка, за который руководство Третьего рейха в Нюрнберге судили.

Андрей ФУРСОВ. Судят побеждённых, а американцы в отличие от немцев и японцев, победители, которые в течение многих десятилетий, контролируя немецкое и японское образование, многое изменили в немецком и японском восприятии мира.

Например, в наши дни во время ежегодного отмечания годовщины атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки мэры этих городов далеко не всегда говорят о том, кто бомбил города; знают, но обходят эту тему. А вот 30 % японских школьников не просто не знают, а, согласно опросам, полагают, что бомбы сбросил СССР. Вот это и есть информационная война, и в ней — на войне как на войне. Здесь, безусловно, нужно действовать по принципу законов военного времени и правилам поведения в прифронтовой полосе. Здесь не надо извиняться, уговаривать, стараться понравиться — да пошли на хрен!...

Андрей ФЕФЕЛОВ. Андрей Ильич, дыхание Борея чувствуется всё сильнее и сильнее.

Андрей ФУРСОВ. У Артура Конан Дойла есть рассказ "Его прощальный поклон", написанный в 1917 году. И заканчивается он диалогом между Шерлоком Холмсом и доктором Ватсоном (хотя правильно "Уотсон", но "Ватсон" мне с детства как-то милее). Холмс говорит: "— Скоро подует восточный ветер, Ватсон. — Не думаю, Холмс. Очень тепло.

— Эх, старина Ватсон! В этом переменчивом веке вы один не меняетесь. Да, скоро поднимется такой восточный ветер, какой никогда ещё не дул на Англию. Холодный, колкий ветер... и может быть, многие из нас погибнут от его ледяного дыхания. Но всё же он будет ниспослан Богом, и когда буря утихнет, страна под солнцем небом станет чище, лучше, сильнее".

Вот и я надеюсь, что сильный ветер с запада (давление на нас) и ответный ветер с востока выстудят гниль, и РФ опять станет исторической Россией. Помните, как в "Роковых яйцах" у Булгакова: змей, которые ползут на Москву, уничтожает внезапно ударивший мороз. На такую очищающую мороз я и рассчитываю, потому что оттепель — штука гнилая. Так что, да здравствует мороз, за которым придёт уже не оттепель, а настоящая весна! Хочется надеяться, что мороз недаждлк.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Спасибо, Андрей Ильич!

Андрей ФУРСОВ. Спасибо Вам!

Главный редактор
Александр ПРОХАНОВ

Заказ № 4031-2018

Дата выхода в свет — 05.09.2018 г. Подписано в печать 04.09.2018 г. в 15.00, по графику — в 15.00